

скомъ, проникавшимъ и къ намъ,—и здѣсь опять никакъ не было личной особенностью одного Пушкина. Моралистъ съ извѣстной точки зрѣнія можетъ не одобрить и не долженъ одобрить этихъ проявленій вольномыслія, но историкъ не можетъ дѣлать одно лицо козломъ отпущенія за цѣлое историческое явленіе или осуждать самое вольномысліе, не трудясь отыскать его основаній, причинъ его появленія. Въ этомъ новомъ направленіи высказывались, хорошо или худо, прямо или косвенно, вѣрно или невѣрно, попытки общественнаго сознанія опредѣлить для себя положеніе вещей, невольное критическое отношеніе къ нѣкоторымъ его сторонамъ, неправильность которыхъ вызывала, наконецъ, протесты общественной *совѣсти*. Тѣ вспышки отрицанія, которыя вызываютъ осужденіе моралистовъ, въ своихъ корняхъ, имѣли большую или меньшую долю основанія, и если отрицаніе принимало иногда слишкомъ рѣзкую, угловатую, раздражающую форму, то виной тому бывала не только личная необузданность отрицателя, но и то, что не было иныхъ выраженій упомянутой общественной *совѣсти*, что потребности мысли и зарождавшагося общественнаго мнѣнія не находили себѣ мѣста, не имѣли иныхъ органовъ въ нравственной жизни общества. Крайности мнѣній развивались, между прочимъ, и потому, что къ этимъ тревожнымъ вопросамъ вѣншей и внутренней жизни общества пассивно относились тѣ, кто поставленъ былъ въ положеніе учителей... Какъ рѣдки были въ нашей жизни учителя, обладавшіе, напр., доблестію знаменитаго Тихона Задонскаго,—извѣстно. Въ екатерининское и александровское время въ умахъ общества началось сильное движеніе религіозно-нравственнаго характера. (Новиковъ и мартинисты, дѣятели библейскаго общества, мистики, сектанты), распространеніе котораго, между прочимъ, именно обязано было недостатку правильной постановки учительства. Если на сторонѣ новыхъ запросовъ религіознаго сознанія стояли одно время такіе люди, какъ Филаретъ, знаменитый впослѣдствіи митрополитъ московскій, а на сторонѣ охранителей такіе, какъ извѣстный архимандритъ Фотій, то положеніе рисуется довольно ясно... Не лишено значительности и то, что въ наше время обвиненію въ язычествѣ подпалъ гр. Л. Н. Толстой.

Тѣмъ историческимъ выводамъ, на которыхъ мы здѣсь останавливались и гдѣ Пушкину достается только роль блуднаго сына, едва искупившаго свою гибель раскаяніемъ въ послѣднюю минуту, можно противопоставить другую оцѣнку Пушкина въ статьѣ В. Никольскаго, которая вышла въ нынѣшнемъ году вторымъ